

Книги Андрея Величко
в серии
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

**ИНЖЕНЕР ЕГО ВЫСОЧЕСТВА
ГЕНЕРАЛ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА**

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АНДРЕЙ ВЕЛИЧКО

ГЕНЕРАЛ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

РОМАН

Москва, 2011

&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
В27

Серия основана в 1992 году
Выпуск 733

Художник
И. Воронин

Величко А. Ф.
В27 Генерал его величества: Фантастический роман.— М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2011. — 382 с.: ил.—
(Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1033-0

Что может сделать великий князь и цесаревич для предотвращения поражения России в Русско-японской войне? Ну, например, попытаться убедить царя вовсе не ввязываться в эту авантюру. Однако этим занимались многие помимо наследника, и результат известен. Или добиться дополнительного финансирования флота? Не факт, что получится, еще более не факт, что поможет, да и денег в казне все равно нет. Может быть, поставить во главе армии толковых генералов? Но где их взять, да и нет у цесаревича таких полномочий. Зато у него есть недавно приобретенный друг, бывший советский инженер дядя Жора, который уже два года живет в России начала двадцатого века. А значит, еще не все потеряно!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1033-0

© Величко А. Ф., 2010
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2011

ПРОЛОГ

Поняв, что заснуть мне так и не удастся, я встал и оделся. За окном было темно, до рассвета оставалось часа полтора. Сунул было в зубы сигарету, но она сразу показалась натуральной мерзостью. Так и есть, простудился, вот ведь некстати-то как...

Начало 1904 года в Гошином мире сильно отличалось от нашей реальности, — главным образом, отсутствием войны с японцами, ведь сегодня шестое, то есть теперь уже седьмое февраля. Правда, вчера они заявили о разрыве дипломатических отношений, так что завтра-послезавтра, глядишь, начнется...

Всю предыдущую неделю погода была абсолютно нелетной — шторм, иногда со снегом. Но вчера это безобразие начало помаленьку утихать, пора выпускать разведчиков — взлететь можно и затемно, а над целью уже рассветет. Я распорядился по телефону, выслушал «есть» дежурного и уже собрался положить трубку, как дежурный взволнованно закричал:

— Со стороны Порт-Артура какая-то стрельба!

— Узнайте, в чем дело, и доложите, — буркнул я, подозревая, что мы имеем запоздавшую на неделю с лишним атаку миноносцев. Только почему под самое утро, им же трудно будет потом уйти, ведь рассветет скоро.

В течение следующего получаса я выслушал несколько докладов: не то «Цесаревич», не то «Ретвизан», не то

оба вместе торпедированы, «Паллада» обстреляна непонятно кем, береговые батареи лупят неизвестно куда, и вроде бы в свете прожекторов мелькнул вражеский миноносец, ибо все наши были на внутреннем рейде и мелькать никак не могли.

— Дежурную тройку на разведку, — приказал я, глядя на начинающий светлеть горизонт. Похоже, наконец-то распогодилось... Прошло еще минут сорок.

Снова дзинькнул телефон. Уже с первых слов я понял — вот оно, и у нас началось!

— Объявляйте боевую тревогу, первую эскадрилью к вылету без бомб, остальных комэсков ко мне, — сказал я, вешая трубку.

Ситуация казалась не очень понятной. Только что разведчик сообщил, будто неподалеку от скалы Рок он видит около двадцати «варриоров» — так назывались английские бомбардировщики, аналоги наших «пересветов» — после чего связь с ним прервалась. Неужели он ухитрился сунуться под их пулеметы? Не новичок вроде...

Снова зазвонил телефон, и я услышал взволнованный голос дежурного:

— Третий наблюдательный пункт сообщает: с северо-запада приближаются две девятки «варь»!

— Первая эскадрилья — взлет, вторая, третья — готовность, — среагировал я.

Интересно, это те, которых видели у Рока? Вряд ли, тут даже «бобики» долететь не успели бы... Выходит, другие. Откуда, япона мать, они взялись? А ведь сейчас аэродром начнут бомбить. Первая эскадрилья — это, конечно, хорошие пилоты, командует ими сам Полозов, и две девятки «варь» им на один укус, но ведь пока одних будут кусать, другие перед смертью точно успеют напасть!

— Подготовить ко взлету мой «бобик», — скомандовал я. Как-то мне было не по себе, и вряд ли только из-за

болезни... При бомбежке самое безопасное место — в воздухе.

— Вторая, третья — взлет, четвертая, пятая — готовность! Второй полк — есть какие-нибудь известия?

— Нет, в Чалиндзе пока все тихо, но боевая тревога объявлена.

— Пусть поднимают дежурное звено.

В этот момент из-за сопки выползла первая девятка японцев. Два были сбиты тут же, остальные пытались отстреливаться, но «бобики» атаковали их или снизу, или спереди, то есть из мертвых зон. Кажется, эти до аэродрома не доберутся... а вот другие уже добрались, блин! Рядом с командно-диспетчерским пунктом застучала зенитная спарка.

— Вторая, третья, вы-то куда смотрели! — рявкнул я и бросился к своему самолету. Мотор был уже заведен, и я сразу пошел на взлет. Ух, кажется, успел... Разворачиваясь после набора высоты, я увидел, как две «вари» вышли точно на начало полосы. С них посыпались бомбы, и из клубов черного дыма полетели обломки задержавшегося на старте «тузика»... Третья экадрилья, то есть девять «тузиков», кучей кинулись на врага. «Правильно, что я туда не полез, затоптали бы», — мелькнула мысль. Я попытался что-то скомандовать, но помешала дрожащая челюсть — то ли от озноба, то ли от возбуждения, то ли просто от страха... Наконец мне удалось справиться с речевым аппаратом.

— Я «Дядя», — сообщил я. — Всем, кто в воздухе: да прекратите же вы метаться ошпаренными кошками! Спокойно крутите головами, смотрите, где противник, вспоминаете, чему вас в школе учили! «Змей», организуйте наконец нормальный бой!

— Я — НП первый, — слышался в наушниках голос наблюдателя с горы Ляотешань, — с юга к Артуру идут три «скаута» и три «вари»!

Я осмотрелся. Кажется, тут уже все более или менее

ничего — обломки «варь» догорают на аэродроме и около, у нас сбит один «тузик» и два уничтожено на земле... Пора посмотреть, что в Артуре делается. В конце концов, сбить «скаут» будет полезно для имиджа и безопасно для здоровья, машина-то совершенно беззащитная...

Я связался с командно-диспетчерским пунктом и приказал поднять в воздух вторую эскадрилью второго полка, чтобы она летела к Артуру и там поступала под мое начало.

— «Змей», — распорядился я, набирая высоту, — все шесть, пополнить боезапас, дозаправиться и ждать либо дальнейших приказов, либо изменения обстановки.

На подлете к Порт-Артуру снова что-то заголосил первый «НП», но я его уже не слушал. Действительно, летят, как и было обещано, три «скаута» и три «вари», а за ними еще штук пятьдесят, если не больше...

— «Змей», — у меня пропал голос, я почти шептал, — всех в воздух — и к Артуру, для охраны аэродрома оставить два звена «тузиков».

— Я «Лом», комэск два-два, — вступил в переговоры новый персонаж, — нахожусь прямо под вами, жду приказаний.

Так, у меня сейчас эскадрилья «тузиков», то есть три звена-тройки... Вторая второго полка — это совсем новички, или вроде у них было одно звено с предыдущего потока? Я осмотрелся сверху.

Японцы шли двумя группами: слева полтора десятка «скаутов», справа — орава «варь». «Скауты» уже почти приблизились к болтающемуся у самого фарватера кораблю, кажется «Палладе». Надо бы их разогнать, но мне для этого пришлось бы пройти над строем «варь»... Я просто не мог заставить себя повернуть налево. Да, одиночный «пересвет», пусть и английский, машина не очень опасная, но пять десятков стволов... кто-нибудь

да попадет. А вот первое звено расположено удачно, они могут и не соваться под огонь...

— Первое, атакуете «скаутов»!

Случившееся внизу заставило меня застонать. Выгодно расположенное звено оказалось не первым, а вторым, и сейчас, выполняя мой приказ, первое шло прямо над строем японцев, под ураганным огнем.

— Второе, атакуйте! — заорал я и все-таки вспомнил, в каком именно звене были сравнительно опытные летчики — именно во втором...

Второе звено поднырнуло под строй «варь» и открыло огонь. Так как стрелки палили по первому, да и пилоты чуть повернули машины для их удобства, эффект атаки оказался огромным — несколько машин посыпались вниз, строй смешался, двое даже столкнулись...

— Третье, теперь вы по «варям», сверху!

Они и без моей команды уже кинулись в свалку, и я поймал себя на мысли, что никому мои приказы не нужны, а я просто оттягиваю момент, когда надо будет броситься вниз, где стреляют...

Оставшийся от первого звена «тузик» увлеченно гонял «скаутов», тут вроде все было терпимо. Во всяком случае, им стало не до бомбежки «Паллады», которая уже горела.

Я сжал зубы и двинул было ручку от себя, но тут же снова перешел в горизонталь. Из-за близкого облачного фронта выплыло еще четыре самолета. Три были «варями», а четвертый... Так вот ты какой, «Максим Голиаф»! Огромный, двухэтажный триплан, вся верхняя надстройка которого ошетибилась пулеметами. «И этот слон тащит две тонны бомб», — вспомнил я отрывочные донесения Собакиной. А еще говорили, что с ним были какие-то неприятности на испытаниях... У нас они будут, если эта туша прорвется в гавань! Но к нему же не подойдешь, стволы во все стороны торчат, разве только... пусть его отвлекут...

— Второе звено, атакуйте «Голиаф» спереди!

Дальше я буквально оцепенел. Оставшиеся от второго звена два «тузика» атаквали... именно атаквали, а не изобразили что-то для отвлечения стрелков, — они пошли гиганту прямо в лоб. Первый палил из пулемета, второй шел не стреляя, — видно, боезапас у него уже кончился. Вот от первого полетели обломки, и он закувыркался вниз, но второй сбить не успели — на месте «тузика» и «Голиафа» вспухал огромный огненный шар... Ну что мне, уроду старому, помешало точнее выбрать слова — надо же было сказать «отвлеките внимание»!

А в следующий момент я понял, почему разведчик прервал свое донесение на полуслове, — из-за облаков примерно в километре мористее¹ и чуть выше меня вывалились две стремительные тупоносые тени и ринулись мне наперерез... «Спитфайры ДХ-5», двухсотсильные бипланы-истребители, их же сделано всего шесть штук и официально ни один япам не продавался!

Но случившийся на моих глазах таран наконец-то позволил мне сбросить оцепенение — вдруг все опасности стали глубоко по фигу. Стреляют? И пусть, в меня еще попасть надо. «Спитов» у японцев не может быть? Вот сейчас и не будет! Мотор уже визжал на форсаже, и я тянул ручку на себя. На виражах с бипланами лучше не тягаться, а вот как у вас с вертикальным маневром? Вижу, хреновато!.. Да куда же ты, дурашка?! А ну-ка обратно в прицел... так, молодец, свободен. Второй где? В хвост решил зайти? Так надо было сначала скорость набрать! А теперь боевой разворот, и вот он уже я — у тебя за спиной... ну и что ты головой мне тут вертишь, поздно уже, гори, дорогой, гори ясно. Вот и нету «спитов»... Но что-то не дает мне покоя, как будто забыл какую-то важную деталь. Ладно, потом вспомню, а как у

¹ Мористее — в направлении условного центра данного моря.

нас там внизу дела? Опа, на горизонте дымы, не иначе сам господин Хэйхатири Того хочет поучаствовать в празднике...

Оставшиеся «вари» сбились в кучу и, отстреливаясь от двух последних «тузиков», тянули в сторону Электрического утеса. Батареи вам, значит, не нравятся? Я дал ручку от себя, и «бобик» ринулся вниз. У самой воды я вывел машину из пике, задрал нос... все правильно, не промахнулся, вот они, варины брюхи, плывут над мной... Патроны кончились раньше противников. Переходя в горизонталь, я вдруг вспомнил, что мне показалось неправильным. Тактической единицей для «спитов» у англичан считалась тройка, и, значит, где-то рядом может быть третий... а у меня скорость всего сто двадцать и ноль патронов. Быстрее вниз, может, успею разогнаться... нет, поздно. Откуда-то возник «спит», и на сей раз у него была скорость, а у меня ее как раз не было! Мой самолет вдруг сотрясли два удара подряд, меня кинуло вперед... в плечо попал, гад! Левая рука была сброшена с газа и висела плетью, я ее даже не чувствовал. Все, сейчас добьет, вверх пока рано, скорость всего сто семьдесят... а, ладно.

Я рванул ручку на себя. Не оборачиваясь, я чувствовал, что проклятый «спит» не отстает, но сделать ничего не мог... скорость падала. Пора сваливать машину на крыло, пока она сама не свалилась в штопор! Перед глазами плыли красные круги, но я был почему-то все еще жив, «спит» исчез... Однако надо было срочно что-то делать. Мотор наполовину сбросил мощность и гремел, как ведро с гайками — то ли его задело, то ли он сам развалился, да и я, того и гляди, потеряю сознание, до аэродрома мне не дотянуть. А что подо мной, Тигровая коса? Вот туда и надо. Так, чуть левее... Мотор заглох, я попытался выровнять машину, но получилось плохо. Удар о землю, треск разваливающегося шасси... Я повис на ремнях и с каким-то отстраненным интересом смотрел,

как из пробитого бака на гальку течет веселая струйка. «Ну вот, сейчас и согреюсь», — подумал я напоследок и отрубился.

Девятого февраля 1904 года в порт-артурском дворце наместника Дальнего Востока состоялось совещание — надо было подвести итоги первого дня начавшейся войны. Для флота они оказались неутешительными.

Вся эскадра, за исключением дозора, в момент атаки находилась на внутреннем рейде. Этот дозор не заметил японские миноносцы в сопровождении двух транспортов, а береговые батареи хоть и заметили, но приняли за возвращающийся дозор. В результате два миноносца проскочили на внутренний рейд, а следующее за ними судно развернулось поперек фарватера и начало тонуть. Второе удалось утопить при подходе.

Миноносцы выпустили торпеды в упор, да еще по освещенным целям, и добились попадания в броненосцы «Ретвизан» и «Цесаревич», причем «Ретвизан» оказался поврежден весьма серьезно. Правда, миноносцам уйти не дали. Но один, поняв, что все равно утонят, взорвался сам — аккурат рядом с только что затопившимся транспортом...

Так что теперь внутренний рейд Порт-Артура могли покинуть только миноносцы и канонерки. Ну, может быть, еще «Новик» — в прилив и при определенном ветре.

— Теперь перейдем к действиям авиации, — подвел итог обсуждению флотских вопросов наместник. — У меня сложилось впечатление, что, несмотря на некоторые несущественные... — адмирал Макаров покачал головой, — ошибки генерал-лейтенанта Найде-

нова, она действовала успешно... Господин генерал-майор, вы что-то хотите сказать?

Командир второй авиационной дивизии генерал-майор Михаил Романов встал:

— Да, господин генерал от авиации. Моя группа собрала самые полные сведения о позавчерашнем воздушном бое. Свидетелей более чем достаточно, мы смогли расписать по секундам положение каждого самолета. Вот схемы. Итак, генерал-лейтенант принял решение руководить боем не с КДП, а с воздуха. Учитывая отсутствие боевого опыта у всех без исключения пилотов, я считаю его правильным. Сначала он обеспечил безопасность аэродрома, а затем выдвинулся к Порт-Артуру. Уточняю, еще до поступления сведений о полете основной армады. Далее, его распоряжение первому звену пролететь над строем... следующая минута показала, что по-другому было нельзя. Жестоко, конечно, но первое звено состояло из наименее опытных летчиков, вряд ли они смогли бы нанести существенный ущерб «варриорам», а так они дали возможность сделать это второму звену. Затем самый спорный момент... — Генерал-майор бросил косой взгляд на Макарова.

— Да уж, — вздохнул тот, — пожертвовать... ну прямо как двумя пешками в обмен на ферзя!

— Мне непонятно, — сухо сказал генерал-майор, — почему вы считаете лейтенанта Ломакина и сержанта Красновского пешками. Это офицеры ИВВФ, дававшие присягу! И исполнившие ее именно так, как подобает офицерам. Получив приказ, они выполнили его точно и в срок. Смотрите сюда. — Михаил расправил на столе один из листов. — Три десятка «варриоров» продолжают лететь к Электрическому утесу. Даже семь проравшихся натворили там бед. А что осталось бы от батарей, долети все тридцать? «Голиаф» с сопровождающими держал курс на внутренний рейд, а там не только вся эскадра, но и танкер с двумя тысячами тонн бензина

и тремя — солярки! И вот здесь — два «спитфайра». Если бы генерал-лейтенант атаковал «Голиаф», то почти наверняка он бы его сбил, но при этом растратил бы весь боезапас! Далее его сбили бы «спитфайры», а уж разделаться с двумя «тузиками» им было бы нетрудно. Результат по нашим потерям был бы тем же самым, но тогда все «варриоры» прорвались бы к батареям!

Михаил отложил лист, взял следующий и продолжил: — Нужно обратить внимание еще на одну тонкость. Вот траектория командирского «бобика» — он идет прямо на «спитфайры». И в момент отдачи приказа о таране он отвернул, но потом сразу вернулся на курс! Этому может быть только одно объяснение: генерал-лейтенант не был до конца уверен, что его приказ будет выполнен. Мне стыдно думать, что он сомневался в подготовленных нами летчиках, но... наверное, он имел на это право, ведь до сих пор случаев убедиться в этом не было... И наконец — Михаил отложил бумаги, — финал боя. Командовать генерал-лейтенанту осталось только собой. Кроме него в воздухе всего один «тузик» с летчиком-новичком и без патронов. И себе он отдал столь же жестокий, как и подчиненным, приказ и столь же точно его выполнил. Оставшийся «спитфайр» представлял опасность только для него — и он без колебаний расстрелял весь боезапас по «варриорам».

— А откуда он знал про третий «спитфайр»? — удивился Макаров.

— Еще за две недели до этого, — сказал Михаил, — на тактических занятиях он говорил нам, что «спитфайры» летают тройками.

— Кстати, — спросил Макаров, — а как генерал-лейтенанту удалось его сбить?

Ему ответил наместник:

— Заманил на вертикаль. Тут надо очень тонко чувствовать скорость, иначе сорвешься в штопор. Вот японец и сорвался.

— В общем,— подвел итог своему выступлению Михаил,— я считаю, что генерал-лейтенант Найденов не допустил ни одной ошибки. Более того, по вполне понятным причинам до сих пор в авиации не было конкретных примеров грамотного руководства воздушным боем. Теперь такой пример есть, и я предлагаю распространить его по всем подразделениям ИВВФ.

Литературно-политическая газета «Санкт-Петербургские Ведомости», 16 февраля 1904 года

Наш корреспондент в Порт-Артуре сообщает: 7 февраля в воздушном бою был убит генерал-лейтенант Найденов. Большие жертвы среди летчиков и моряков. Город Порт-Артур сильно разрушен. Другие подробности неизвестны.

*Письмо ЕИВ вдовствующей императрицы
Марии Федоровны, 26 февраля 1904 года*

Здравствуй, дорогой Джордж. Наконец-то мне описали состояние твоего здоровья и подробности того боя. Боже мой, чего только не пишут в газетах! Спасибо милой Т., она еще 9 числа позвонила мне и сказала, чтобы я не верила никаким сообщениям о твоей гибели.

Я не все поняла в описании воздушного сражения, где ты был ранен, но главное не вызывает сомнений — ты все сделал правильно, Мишель прислал в Гатчинский авиаотряд подробное описание твоих действий с пояснениями, почему в каждый момент времени можно было поступать только так. Я знаю, как ты не любишь громких слов, но позволь все же сказать: я горжусь тобой. Кстати, Мишель мне написал: он уверен, что это не первая твоя война и не первый бой. Тешу себя надеж-

дой, что когда-нибудь ты расскажешь мне о себе, а то ведь после двух лет знакомства я по-прежнему почти ничего о тебе не знаю.

Я не буду тебя просить меньше летать или летать осторожней — я понимаю, что такое долг. Просто помни, что в Петербурге тебя ждет хоть и не очень молодая, но все же надеющаяся на малую толику счастья женщина.

Выздоровливай побыстрее.

Твоя Мари.

ГЛАВА 1

— Проходите, дамы и господа, садитесь, почувствуйте себя как дома. Чай, кофе, лимонад, сигареты — вот они. Надеюсь, знакомить мне вас не надо?

— Ну что вы, Георгий Андреевич, как я могу не знать такую женщину?

— Ах, Бенья, вы меня буквально вгоняете в краску, — вздохнула Татьяна.

Встреча в моем кабинете была не то чтобы исторической, но, скажем так, не совсем обычной. Мое положение в России начала двадцатого века неплохо подходило под определение «олигарх» — достаточно высокая должность, знакомства в высших правительственных кругах и нехилый финансовый вес. Насколько я в курсе, любой уважающий себя олигарх должен иметь свою личную спецслужбу. Я, будучи в душе немножко перестраховщиком, сейчас, то есть в середине лета 1902 года, на всякий случай имел их две.

Шестой отдел Службы безопасности официально представлял собой группу моих личных порученцев и охранников, численностью рыл двадцать. Ими командовал ушлый одессит Бенья, и не только ими, но еще и примерно тремястами другими, в штатном расписании не зафиксированными.

А еще в Георгиевске с моей подачи появилась очень прогрессивная организация, аналогов которой пока не

было ни в просвещенной Европе, ни в свободолюбивой Америке — Департамент охраны материнства и детства. Естественно, что такие архиважные вопросы, как охрана материнства, а особенно детства, трактовались весьма широко. Этот нелегкий груз гордо несла на своих прекрасных плечах Татьяна Князева.

Ну и, понятное дело, обе службы с энтузиазмом присматривали друг за другом, во избежание... А вот сегодня их руководители впервые встретились в официальной и в какой-то мере дружественной обстановке.

— Собрал я вас потому, — сообщил им я, закуривая, — что настала пора от решения частных задач, пусть и очень важных, переходить к общим. У России, а значит, и у нас с вами есть враги внешние и внутренние. Тонкость тут в том, что даже они сами часто не знают, к какой из этих категорий относятся, поэтому разделять задачи я счел лишним. Наоборот, потребуется тесная координация всех прогрессивных сил, то есть обеих ваших контор. Итак, имеются различные подрывные элементы, они же революционеры. Имеются разведки вероятных противников. Я не верю, что этих двоих не тянет друг к другу — наверняка ищут подходы, если уже не нашли! Значит, в этот процесс пора вклиниться и нам. В конце концов, какая разница тем же эсерам, в Токио или на Алтае родился полковник японского Генштаба, от которого они получают задания и деньги? А если в упомянутом Токио кто-то решит профинансировать российских борцов за права трудового народа — мы к его услугам! Мало того что не откажемся от денег, но и в ответ можем поделиться информацией. Наконец, есть еще и третья сила — высшее чиновничество и высшая знать. Среди них очень много людей, с которыми в будущем возможны конфликты, вот список. И надо заранее озаботиться хорошими, доказательными материалами и о связях этих людей со всеми возможными разведками, и об их революционно-подрывной деятельности. Здесь

будут уместны как скрупулезные расследования уже случившихся прискорбных фактов, так и некоторый полет фантазии. В общем, подумайте, посоветуйтесь... Спешка тут не нужна, но и затягивать ни к чему. При необходимости можно подключить информбюро. Обращайтесь ко мне, скорее всего, решение будет положительным.

Разумеется, я не стал говорить своим гостям, что для присмотра за их совместной деятельностью создается еще одна, третья служба, совсем небольшая... Чай, не маленькие, сами догадаются.

Прожив в этом мире первые полгода, я с некоторым удивлением заметил, что в качестве родного дома он нравится мне куда больше, чем свежепокинутый. А уж любой новосел не даст мне соврать — даже если в новом жилище и есть все необходимое, то как минимум оно расположено не в том порядке и требует перестановки. Вот я и начал — сперва потихоньку, с авиации...

Мало того что самолеты всегда были одним из моих увлечений, так еще благодаря авиастроению мне удалось помочь Гоше обрести политический вес. Общество теперь воспринимало его не только как одного из великих князей (а более информированные — и одного из самых богатых людей России), но и как покорителя пятого океана, который, найдя инженера Найденова, с его помощью открыл человечеству дорогу в небо. Тут, однако, была зарыта небольшая собачка — авиация не должна прятаться, она обязана быть на виду! А значит, наши зарубежные друзья и прочие соседи в ближайшее время могли не только догнать нас в этой области, но и, благодаря более развитой промышленности, перегнать. Поэтому на всеобщее обозрение были выставлены максимально уродливые самолеты, в которых соотношению грузоподъемности к весу приносились в жертву все остальные параметры. И вроде пока весь мир считал,

что так и надо, все ведущие авиаконструкторы (ровно два — де Хэвиленд и Максим) совершенствовали свои аппараты именно в этом направлении. Хорошо совершенствовались, у меня аж душа радовалась при каждом получении подробностей об их творчестве! Более того, сейчас в качестве авиационных моторов все видели исключительно двухтактники. Надо сказать, затратили они немалые средства как на добычу секретов с нашего моторного завода, так и на свои разработки.

Правда, уже ясно было видно: я недооценил одну тонкость. Дело в том, что несколько первых английских аэропланов успели принять участие в бурской войне и очень неплохо там себя показали. Причем они использовались не только как разведчики, но под конец и как бомбардировщики. Был получен первый опыт их боевого применения, и он даже начал анализироваться... То есть англичане уже четко делили авиацию как минимум на два класса и, по моим сведениям, начали задумываться над концепцией третьего, то есть истребительного. А тут еще Конан Дойль, и чего ему здесь про затерянные миры не писалось! С войны он вернулся ярым энтузиастом-авиатором, разразился серией статей о новой эре в развитии военного искусства, и, блин, вскоре даже Шерлок Холмс раскрыл очередное преступление методом осмотра местности с аэроплана. В результате, по крайней мере в Англии, авиация получила государственное финансирование, причем его размеры вызывали у меня серьезное беспокойство.

В отличие от летающей техники, радиодело развивалось в строжайшей тайне. Сам факт наличия у нас телефонных коротковолновых радиостанций был большим секретом, с которым знакомили далеко не всех и под расписку о неразглашении. А уж все работники стоящего несколько на отшибе связного цеха приборного завода были на полном серьезе предупреждены, что даже слово «радиолампа», произнесенное не на рабочем мес-

те, будет означать немедленную ликвидацию не только болтуна, но и всех, кто его мог слышать хоть краем уха. Пока прецедентов не было, к счастью, а то ведь пришлось бы брать грех на душу... И если в ближайшие полтора года не произойдет утечки, на войне у нас будет качественная и недоступная для прослушивания связь. Причем Гоша хочет, чтобы она была не только у авиации и наших пехотных частей, но и у флота. Но тут я встал насмерть: пока на каждом корабле не будет взвода особистов, имеющих право пристрелить любого, вплоть до капитана, при малейшем намеке на возможность разглашения тайны, — никаких раций! Точнее, только искровые разработки Попова. Гоша что-то бурчал о дискриминации флота, о том, что этим я специально его подставляю... Будь моя воля, я бы его и не так подставил, — жаль, руки коротки! Пообщавшись немного с флотскими офицерами, я сразу заметил их общее свойство, которое высочество величало кастовостью, а я — совершенно необоснованным снобизмом. Вот наши летчики — эти с полным основанием считали себя особой кастой. Они получали огромные по меркам любых других войск оклады, каждый имел право по личным вопросам обращаться хоть прямо к Гоше. Но специально созданная совместными стараниями информбюро и отдельных энтузиастов церкви воспитательная служба таки смогла донести до них простую мысль: все это не просто так — это аванс. За то, что в случае надобности — даже не обязательно войны — Россия может потребовать их жизни, которые надо будет отдать без малейших колебаний... Не знаю, что будет в случае именно таких приказов, но все прочие исполнялись без колебаний. Правда, средний возраст наших пилотов составлял лет восемнадцать, это сильно упрощало их идеологическую обработку, в отличие от флотских.

Кроме человеческого фактора флот раздражал меня и сам по себе. Не пожалев несколько вечеров, я оценил

ущерб, нанесенный в двадцатом веке российским флотом его противникам. Сразу выяснилась интересная вещь: он оказался обратно пропорционален водоизмещению! То есть эффективность линкоров и броненосцев можно было отличить от нуля только под микроскопом. Крейсеры вроде иногда что-то такое делали... А топили супостатов минзаги, миноносцы и торпедные катера. Зато каждый утюг-броненосец тянул на пятнадцать миллионов! Эх, если бы можно было продать их хотя бы за полцены и на вырученные деньги укрепить границу с Кореей до состояния линии Маннергейма! А так ведь все равно они окажутся или на дне, или у японцев, но при этом еще сожрут дикую прорву денег на поддержание себя в якобы боеготовности... Да просто утопить их и то дешевле было бы. А если чуть серьезнее — то никак нельзя сдавать Порт-Артур японцам, иначе после войны и на металлолом сдать будет нечего!

В полном соответствии с моей, извиняюсь за выражение, военно-морской доктриной и были сделаны две яхты-катамарана — одна мне, другая Гоше. Это были двухсоттонные суденышки с двухтактными дизелями — такие моторы здесь назывались тринклерами. Каждое имело по четыре движка общей мощностью шесть тысяч лошадей. На спокойной воде посудинка разгонялась до сорока узлов, но реально можно было рассчитывать на тридцать пять. Заявлены они были как личные ВИП-яхты, но могли нести под брюхом два торпедных аппарата, на поплавках — по трехдюймовке и катапульту для самолета-снаряда на крыше.

Такие кораблики, на мой взгляд, нуждались в соответствующих именах, и я полез в энтомологические справочники — познакомиться с миром мелких водоплавающих насекомых. Но наследник престола почему-то наотрез отказался плавать на личинке всякой водяной мошки и, применив административный ресурс, назвал свою яхту «Мария». Тогда я решил назвать свою в

честь какого-нибудь знаменитого утописта и ради интереса спросил нескольких знакомых офицеров, кто такие Мор и Кампанелла. Увы, эти имена им были неизвестны. Кончилось тем, что моя посуда обрела имя «Герасим» — а что, тоже утопист, причем отечественный, Муму вон у него и не булькнула лишний раз.

Так что вскоре мне предстоял вояж на Черное море, где уже переделанный в авианесущий крейсер «Мономах» должен был сплаваться со своей эскадрой, то есть «Машкой» и «Герой». И заодно хотелось посмотреть, как там дела у Налетова с его подводными лодками «Краб» и «Рак». А еще нужно было организовать официальный отряд морской авиации в Севастополе, восемь «пересветов» были уже переставлены на поплавки. Но до отпуска в Крыму оставался еще почти месяц...

Кстати, подумалось вдруг мне, а не вспомнить ли молодость и не махнуть ли в Крым на мотоцикле? Правда, тут бензина в дороге не найдешь, придется «оку» с цистерной гнать в качестве сопровождения. А почему только одну «оку»? Пусть едут штуки три, и грузовичок на ее базе, «нара», в качестве бензовоза. Действительно, и как это я до сих пор не удосужился ударить автопробегом по бездорожью и разгильдяйству? Технику надо испытывать не только на полигоне.

Так что отпуск обещает быть насыщенным, а пока...

Вздыхнув, я сел разбирать бумаги. Чего там такого интересного пишет его младшее высочество? Хм, что-то тут есть, надо подумать...

Начальник второй летной школы капитан Михаил Романов предлагал летать не только парами «ведущий — ведомый», но и тройками. Мотивировал он это тем, что опытных летчиков у нас очень мало, а новичков, наоборот, много. И что лучше пусть один хоть как-то умеющий летать пилот таскает за собой двоих совсем зеленых, чем они будут летать вдвоем вообще без присмотра. А в случае необходимости «старики» образуют эскадри-

лью асов, и в этом случае тактической единицей будет двойка.

Я сообразил, что в его предложении есть еще один резон. Производство радиостанций хронически отставало от производства самолетов, но если ставить на машины ведомых только приемники, то, похоже, мы выкрутимся. Так что я нацарапал под письмом резолюцию «Согласен» и взял следующую бумагу.

Она оказалась весьма своеобразной, я бы даже сказал, зовущей к немедленным действиям. Какой-то аспирант из Московского университета предлагал вместо брони использовать мощное магнитное поле, чтобы оно, значит, тяжелые снаряды просто отклоняло, а легкие вообще запузыривало обратно к противнику. Далее шли полторы страницы какой-то абракадабры, непонятно почему обозванные расчетами. В конце автор скромно сообщал, что для реализации данного изобретения ему хватит двухсот тысяч рублей.

Я сразу решил отправить папку в шестой отдел, но с резолюцией на письме слегка замешкался. Сначала, повинувшись душевному порыву, написал было: «Начистить рыло», но потом чуть подумал, зачеркнул и резюмировал несколько мягче: «Разобраться, что за гусь».

Письмо в простом конверте, без адресов и вообще каких-либо надписей, оказалось от моей ненаглядной, то есть вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Там она сообщала мне, что скучает (по условленному с ней набору кодовых фраз это означало «есть новости»), выражала соболезнование моей бесконечной занятости, из-за которой я никак не могу выбраться в Питер. Была там и приписка, что по дороге в Ливадию она собиралась навестить сына.

«Хрен с ним,— подумал я,— что два дня насмарку, нельзя же быть такой свиньей, действительно, ведь уже почти два месяца не виделись. Надо с ней как-нибудь помягче, поромантичней, или как там это называется...

Книжку, что ли, типа дамского романа прочитать на ночь для расширения кругозора? Может, и не стошнит. Хотя на фиг, она уже достаточно на меня насмотрелась, наверняка понимает, что я за сокровище. Так что раз ее такое устраивает — нечего суетиться, лучше схожу-ка я завтра в цех, где для нее делают бронированную «оку». Глядишь, и получится успеть к ее приезду, будет чем порадовать даму сердца. А то ведь просто позор — любовница самого инженера Найденова разъезжает в какой-то допотопной карете! И китайский зонтик обязательно надо подарить, а то такой пока есть только у другой императрицы, не вдовствующей».

ГЛАВА 2

Если мы с высочеством были не в отъездах, то, как правило, обедали вдвоем: я у него, потом он у меня, потом наоборот. Второго августа 1902 года принимающей стороной был Гоша. За обедом он почти не ел, а только с едва заметным нетерпением ждал, пока я покончу хотя бы со вторым, чтобы подсластить мне десерт какой-то явно назревшей проблемой. Деликатный, однако... Я начал демонстративно быстро жрать, стараясь чавкать погромче. Гоша обреченно вздохнул и закатил глаза к потолку.

Наконец я залпом выпил стакан компота, вытер рот салфеткой (рукавом — это был бы уже перебор) и спросил:

— Так что у нас там опять пошло раком? Приятные новости на тебя вроде бы эффекта шила в заднице не производят. Впрочем, давай сам догадаюсь... Наверняка ты жаждешь прокомментировать последние инициативы Сергея Юльевича.

— Уже знаешь?

— Он меня с ними еще на прошлой неделе ознакоми-

мил, когда ты в Москве очередной миллион зарабатывал. В целях получения дополнительной поддержки.

— И что ты ему сказал?

— Что в таком виде это поддерживать мы не будем. Именно «мы», тут уж я взял на себя смелость говорить и от твоего лица тоже.

— Какая поддержка,— возмутился Гоша,— он хочет урезать ассигнования флоту почти на двадцать процентов! Если бы не маман, пожалуй, у нас хватило бы влияния его прижать. Может, ты с ней поговоришь на эту тему?

— Конечно, но сначала хотелось бы с тобой. Тебя что возмущает — сама цифра или направление перераспределения средств?

— Все!

— Как в подобной ситуации сказал Василий Иванович: «Да, Петька, и меня тоже». То есть мне цифра тоже не нравится, тридцать процентов смотрелось бы гораздо лучше. При условии, что экономию направить в нужное русло. Вот тут мы с Витте расходимся.

— Я считал,— помрачнел Гоша,— если проводить боевую подготовку имеющихся кораблей в полном объеме, придется заморозить практически всю судостроительную программу.

Я встал и, закулив, начал ходить по комнате. Привыкший к моей манере вести беседы Гоша ждал ответа.

— Два вопроса, риторических: зачем морозить всю программу и зачем тратить деньги на поддержание боеготовности всех кораблей? Вот ты много читал про Русско-японскую войну, про флот... Скажи мне, летающей сухопутной крысе, какой из имеющихся у нас сейчас броненосцев самый лучший?

— «Цесаревич»,— уверенно сказал Гоша.— «Ретвизан» чуть хуже. Предлагаешь все средства направить только на их нужды?

— А вот меня гложут сомнения. Если посмотреть, как

все эти утюги воевали, то доброго слова заслуживает только один. «Севастополь».

— Это просто пример, что может хороший командир даже на корабле-недоделке,— возразило высочество.

— А хотя бы. Но мне кажется, что он и конструктивно больше подходит под конкретные условия. Да, медленный, с мореходностью не ах, зато лучше всех бронирован. Этакий монитор-переросток. Прикрывать минные поля вполне пригоден. Вот на него денег можно выделить. А остальные... Они же все равно разные, для нормального эскадренного боя мало пригодны. А главное — где ты на них моряков наберешь? Был бы твой «Цесаревич» с неисправной из-за недофинансирования машиной, глядишь, и не смог бы удрать в Циндао, от безысходности принял бы бой... хотя, наверное, просто сдался бы.

— И что ты предлагаешь?

— Много чего,— вздохнул я,— но все равно не пройдет. Так что предложу я это только тебе. Значит, выбрать из всего флота несколько кораблей. Главные усилия и главные расходы — на подготовку личного состава в духе наших летчиков. То есть придется похерить ценз, если двадцатилетний мичман окажется способным, ставить его хоть старпомом или главным артиллеристом! Матросам платить больше, чем сейчас получают лейтенанты, отбор по жесточайшему конкурсу. Офицеры — отдельная песня. Ты в авиации можешь себе представить, чтобы летчик получил приказ и спокойно забил на него болт? А про флот ты лучше меня знаешь. Далее — боевая подготовка: корабль может стоять у стенки только для заправки, профилактики и ремонта, все остальное время он плавает и стреляет. Хоть что-нибудь из этого возможно?

— Нет,— вынужден был согласиться Гоша.

— И зачем, скажи на милость, тогда вкладывать деньги в технику?

— Так что, пусть ржавеют у стенки?

— Броненосцы — да, у них железо толстое, до дыр не проржавеют. А вот владивостокский отряд крейсеров можно и усилить. Если бы Витте предлагал нечто подобное, я бы был всеми четырьмя руками «за». А ему нейдет в Дальнем гешефты крутить... Слушай, давай свою программу составим. Кого заморозить, кого поставить в вооруженный резерв, кому — все высвободившиеся деньги... Мало ли, вдруг и удастся продать. Вот тут и Марию Федоровну можно будет подключить, а то сейчас что я ей скажу? Витте предлагает не дело, а как надо? Как-то примерно так...

По Гоше было хорошо видно, что он расстроен. Ругаться со мной ему не хотелось, но и принять мою точку зрения он тоже не мог. Тут меня осенило.

— Ваше высочество,— вкрадчиво предложил я,— а на кой хрен нам ломать свои неокрепшие мозги в поисках решения, кому дать денег, а кому фигу? Пусть сами разберутся!

— Учения? — с ходу просек Гоша.

— Да, причем максимально приближенные к реальности. Делим флот на две группировки. Внезапно ставим задачу — и вперед, за славой! В смысле за ее материальным выражением. Проигравшая сторона вместо денег получает красиво оформленные соболезнования. Причем делать это надо быстро, не позже ноября. Как, удастся сподвигнуть Николая на такое действие? Вроде ему нравились игры в войнушку... И Витте на финансирование этой заварухи растрясти будет проще.

— Командовать нашими будет Макаров,— начал рассуждать Гоша,— а не нашими кто?

— То есть как — кто? Гордость российского флота и самый крупный в нем по званию. По весу, кажется, тоже, но это не страшно, корабль не самолет — выдержит. Главой посредников быть тебе, это ясно.

— А ты что будешь делать?

— А я буду вокруг дяди Алексея отираться в качестве технического советника, отношения у нас с ним нормальные. Ну как?

— Согласен,— кивнул Гоша.— Пожалуй, чтоб не откладывать, я завтра лечу в Питер уговаривать брата. Только получается нечестно — у не наших флотской авиацией будешь командовать ты, а у наших кто?

— Мишель, естественно,— пожал плечами я,— у него не хуже выйдет. Да и было бы там чем командовать — по десятку «пересветов» с каждой стороны... Безобразить, похоже, придется на Балтике, больше нигде. Например, наши базируются в Кронштадте, а не наши — в Гельсингфорсе. Заранее, ничего, никому кроме нашего и ихнего адмиралов, не говоря, разводим их по командам. А потом одним прекрасным утром объявляем: сегодня в полдень начинается серьезная игра в войну. Можете сразу плыть на битву, можете готовиться — время пошло! Вот бардак-то начнется... Надо только заранее продумать, как засчитывать результативность стрельбы. Например, никто не имеет права начинать боевые действия, не расстреляв расположенные там-то мишени. Ну и по проценту реальных попаданий потом считать условные.

Гоша поежился. Дело было в том, что с нашей подачи генерал-адмирал уже почти полгода гонял экипаж своей «Светланы» — его артиллеристы стреляли чуть ли не ежедневно. Вкупе с доработанными орудийными станками это привело к совершенно невиданной в российском флоте цифре — четыре процента попаданий с пяти миль. Если за флот не наших будет отстреливаться «Света», дела у наших будут тухлые. То есть как в Русско-японской войне моего мира, где стрелять-то они стреляли, а вот с попаданиями было весьма не очень...

— Ладно,— тряхнул головой Гоша,— быть по сему, должны же и у Макарова найтись несколько приличных артиллеристов. Вот только делить стороны на наших и ихних... Пусть наши будут синие. А твои — красные?

— Ну я же тебе не дедушка Ленин! Мои по определению будут зеленые, как крокодил Гена. А еще лучше — пусть они будут северные и южные.

После обеда я отправился к себе. Как всегда в такой (послеобеденной) ситуации, преобладающим чувством была лень... И кто меня за язык тянул, мало мне штатных дел, еще поплавать решил в ноябрьской водичке! Даже если в октябрьской, все равно дурак. Однако возраст имеет свои преимущества — почти за шестьдесят лет жизни я успел изучить свой организм и знал, что если сейчас дать ему вздремнуть пару часиков, то проснется он вполне конструктивно настроенным. Так что я закрыл свой кабинет, предупредил секретаря, что в ближайшие два часа меня можно беспокоить только в случае войны или визита императрицы, и принял горизонтальное положение. «Зря я все-таки у Гоши так обожрался в спешке», — мелькнула сонная мысль.

На следующий день Гоша улетел, а я занялся испытаниями бронированной «оки» — ее наконец сделали. Так как она предназначалась не неизвестно кому и даже не Николаю, а его матери, то там стоял нормальный мотор от «фольксвагена жука». Конечно, для двухтонной машины он был откровенно слабоват, но только по современным меркам. Для начала века получился просто суперлимузин. Подвеска с гидравликой создавала достаточный комфорт. О такой мелочи, как отделка салона натуральной кожей и красным деревом, я и не говорю. В общем, теперь я мог спокойно ждать визита императрицы — она собиралась на днях посетить Георгиевск. По официальной версии — повидать сына, который улетел как раз в Питер. Разумеется, любой интересующийся уже знал, к кому она ездит в Георгиевск на самом деле, и думал, что знал зачем. Нет, не стану отнекиваться — этот мотив в наших встречах тоже присутст-

вовал, но ведь нельзя же в моем и ее возрасте двое суток не вылезать из койки! Просто пора было в очередной раз обсудить наши дела в связи с грядущей сменой российских императоров.

Императрица приехала в своем вагоне — проездом в Ливадию. Я встретил ее на только что изготовленном лимузине, для прислуги подогнали «нару». На сей раз я был не за рулем и пригласил даму в задний отсек авто. Выдернув затычку из перегородки между салоном и водительским местом, я сказал: «Домой!» — и сунул ее обратно.

Императрица с интересом осмотрелась.

— Дорогой, ты не заболел? — наконец спросила она. — Я даже выразить не могу, насколько тебе не подходит этот автомобиль! Комфорт, роскошь... это что, золото?! Я понимаю, если бы он предназначался императору...

— Император пока перебьется, это авто для императрицы, — сообщил я и уточнил: — Естественно, для тебя, дорогая.

«Или она отличная артистка, или поражена в самое сердце, — подумал я, глядя на ее реакцию. — Скорее всего, имеет место быть понемножку и то и другое...»

Императрица решительным жестом задернула шторы на окнах и прильнула ко мне в поцелуе. У меня мелькнула мысль: «Хорошо хоть, что здесь еще до секса в машине не додумались...» Впрочем, должным образом ответить на поцелуй она мне не помешала.

По приезде я отправился по делам, а Мари — приводить себя в порядок с дороги. Как будто что-то мешало ей сделать это в персональном вагоне! Встретились мы за ужином, естественно тет-а-тет.

— Очень хорошо, что ты стал вхож к Алексею Александровичу, — без всяких предисловий начала императрица. — Я понимаю, он тебя заинтересовал в силу дол-

жности, но и в политическом плане это к месту. Однако придется тебе еще раз мобилизовать все свое обаяние...

— Дорогая, — удивился я, — с каких это пор Николай Николаичу (младшему)¹ нужно какое-то там мое обаяние? Если оно у меня и есть, оно принадлежит исключительно тебе. А для него пусть копят совсем другие особы!

— Ирина или Анна? — осведомилась дама.

— Обе.

Мы улыбнулись, довольные друг другом.

— Но все равно ты должен с ним познакомиться, — продолжила Мари.

— Разумеется. Мотив знакомства — грядет Русско-японская война. Я делаю что могу, но могу очень мало... Попытки раскрыть глаза тому, этому и прочим — ты уж мне подскажи, дорогая, кому именно, — ни к чему не привели... У меня и у России осталась одна надежда — вы. Вот примерно в таком духе я собираюсь действовать... Сойдет?

— Только в самых общих чертах. Так что допивай, Джордж, свое пиво, и начинаем вместе уточнять акценты.

На это ушло около часа. Действительно, великий князь Николай Николаевич (младший) в смысле влияния на просто Николая Второго был очень важной фигурой, строить игру без него не дело...

— А как ты поступишь с этой актрисочкой, его подругой? — поинтересовалась Мари.

— Я — никак. Зачем она мне? Ее судьба поручена профессионалам. Им сказано — силовое решение вопроса нежелательно. Без меня все сделают. Если интересно, потом расскажу подробности, а сейчас не могу, я их просто не знаю.

— Только... — императрица слегка запнулась, — я не

¹ Великий князь Николай Николаевич (младший) — сын великого князя Николая Николаевича (старшего), генерал-инспектор кавалерии. Имел большое влияние на Николая II. В отличие от своего покойного на описываемый момент папы, не воровал.

знаю, дорогой, нужно ли тебя предупреждать... но после нашей победы излишняя... э-э-э... прямолинейность Николая Николаевича и...

— Не нужно,— кивнул я.— И не потому, что я хорошо знаю именно его, а просто часть наших соратников останутся таковыми и после победы, а часть — не останутся в силу различных причин и со всеми вытекающими последствиями... Так что не волнуйся. Кстати насчет вот таких соратников — нам с Гошей тут понадобилось слегка на Витте надавить, с целью финансирования одного довольно полезного мероприятия. Поможешь?

— Рассказывай,— деловито предложила императрица.

Мне вспомнилось: «...и Шахерезада продолжила дозволенные речи...» Я тоже продолжил, но не успел дойти и до середины, как был прерван:

— Ну, дорогой, я-то думала, тут действительно что-то важное... Разумеется, в такой мелочи я вам помогу. Но не кажется ли тебе, что за окном давно стемнело?

ГЛАВА 3

Я проводил глазами удаляющуюся автоколонну и вздохнул. Ну никак не получалось у меня выкроить неделю и поучаствовать в первом российском автопробеге Георгиевск — Севастополь. А какая была мысль, можно сказать мечта! Выкрасить свою «оку» в зеленый цвет, написать на борту «Антилопа-Гну», надеть белый костюм с фуражкой... Увы мне, увy. Я развернулся и поехал на аэродром, распорядиться насчет подготовки борта номер один к завтрашнему полету в Михайловку. Тот самый Михаил, именем которого она и была названа, прислал мне очередную цидулю. «Пора учить летчиков воздушному бою»,— писал он. А как? Желательно, чтобы господин генерал-майор лично провел несколько за-

нятий с лучшими пилотами, поделился с ними своим многократно превосходящим боевым опытом, а уж они потом будут гонять всю остальную ораву...

Я три раза перечитал депешу, пытаюсь понять,— он что, издевается? Вроде это совершенно не в его стиле. Похоже, он просто не принял в расчет арифметику. Опыт пилотов равен нулю, мой его во много раз превосходит — то есть равен тому же нулю, умноженному на любую цифру! Что, между прочим, полностью соответствовало истине. Михаил же искренне считал, что, если что-то не получается, достаточно просто надавить на инженера Найденова, и тот прилетит и покажет, как надо. Ладно, что уж тут делать, заодно и сам подучусь, только не помешает еще разок Покрышкина перечитать. Не обернулось бы все, однако, конфузом: я-то на «бобике» летал только при его испытаниях, это всего восемь часов, а Полозов уже имеет налет под сотню, да и остальная шестерка пилотов первого выпуска от него почти не отстает. Правда, козырь у меня все же был — «бобик» и по техническим характеристикам, и по поведению в воздухе был очень близок к Як-18, а уж с этой машиной я был давно на «ты». Однако они все молодые, им и семикратные перегрузки не предел, а я от ускорения порядка пяти «же» так и норовлю сознание потерять... Ладно, как-нибудь выкрутимся.

Выкручиваться я начал с организации занятий. Первой темой были атаки «пересвета» — в одиночку, двойкой, в одиночку против двух, двойкой против двух... Подлетая с разных ракурсов к этим неповоротливым машинам, я за два дня полностью слился с «бобиком». Ну и методику я принял обычную для случая, когда педагог рубит в предмете ненамного лучше ученика. Сначала: а покажите, как вы это собираетесь делать? Потом разбор, что не так. И только после этого я, учитывая неудачный опыт курсантов, подлетал и делал более или

менее как надо. Азы ситуации «истребитель против истребителя» я показывал курсантам на основе постулата Покрышкина «хозяин высоты — хозяин боя». Забравшись повыше, я пикировал оттуда на противника и в результате к моменту выхода на дистанцию огня имел почти двойное преимущество в скорости. В этой ситуации попытки уйти от меня на вертикаль были обречены — я легко догонял теряющего остатки скорости противника. Уход виражом у курсантов тоже не получался — они сворачивали слишком рано, давая мне возможность две, а то и три секунды держать их на прицеле. Наконец Полозов догадался переворотом через крыло делать полупетлю вниз.

— Вот это уже ничего,— похвалил я его на земле,— разве что полубочку надо было оформить как начало виража, а то ты все-таки полсекунды у меня на линии огня вертелся, в принципе могло хватить. И в вираж от имеющего преимущество в скорости противника тоже можно уходить, но только в самый последний момент. А вы записывайте, записывайте... — это я уже Мишелю.— Руководство по тактике воздушного боя — это должен быть ваш документ, я его потом только подкорректирую и дополню. Ну а завтра будем разбирать варианты атаки двойкой...

В общем, зря боялся, уроки получились неплохие, да и сам подучился «фигурять» на «бобике». Так что через три дня я с чувством выполненного долга вылетел в Ростов, а далее — в Севастополь. Там за день утряс бюрократические препятствия к созданию Черноморского авиаотряда и упорхнул в Николаев на предмет познакомиться с «ракообразными».

Подводные минные заградители «Краб» и «Рак» были уже практически достроены. Почти по всем своим характеристикам они повторяли «Краб» нашего мира

образца 1915 года, кроме двигателей. В качестве ходовых лодки имели два электромотора по четыреста киловатт каждый, питающихся либо от аккумуляторов, либо от двух тринклер-генераторов общей мощностью девятьсот киловатт. Строились они под видом эсминцев, и я уже начинал подумывать, как их потом прогонять через Босфор: то ли разоружить, точнее, не вооружать — и в открытую, но тогда турки могут захотеть проинспектировать суденышки; то ли просто нырнуть — и всплыть уже по ту сторону пролива.

Налетов все же настоял, чтобы его лодки имели по два торпедных аппарата, но сделать их легкосъемными у него не получилось. Можно, конечно, тонкими листами заварить снаружи их выходы, а изнутри обмотать проводами, обвешать приборами и объявить какими-нибудь индуктивными накопителями... В общем, я и прилетел в основном в связи с этим вопросом.

Налетов был настроен решительно. Это подводные лодки? Да, подводные. Так вот пусть и плавают где надо — под водой! А надо в Босфоре, Дарданеллах и Гибралтаре. Он, Налетов, готов лично провести свои суда по такому маршруту.

— Да? — заинтересовался я. Действительно, кто же может знать возможности техники лучше ее создателя. — А экипажи набрать сможете? Совсем не обязательно из военных моряков, но просто они должны быть готовы с началом войны записаться добровольцами.

— То есть как? — не понял Налетов. — Лодки же войдут в состав флота, а им командует морвед...

— Не войдут они в состав никакого флота, — хмыкнул я, — они, как сейчас, считаются корабliками, построенными на личные деньги его высочества для охраны его же личной яхты, так ими же и останутся. Просто во время войны безопасности яхты может угрожать любое японское судно, находящееся в любом месте, соот-

ветственно задачи охраны несколько расширяются, вот и все.

Я немного задумался. Если мы хотим сохранить «ракообразных» в тайне, никаких легальных заплывов через проливы быть не может — только под водой. И, кроме того, Суэц отпадает, надо вокруг Африки. Но одни лодки пускать в такой поход нельзя, нужно судно сопровождения, то есть танкер. Однако тогда и «Гере» с «Машей» надо плыть в этой компании, им тоже танкер нужен. А «Мономах» пусть проходит проливы легально, с каким-нибудь высочеством на борту, их у нас теперь много, а потом идет через Суэцкий канал.

— Ну что же, — закончил раздумья я, — пожалуй, сделаем по-вашему. Тогда и пулеметы можно сразу устанавливать, чтоб потом не маяться. И сплавайте на «Гере»... ну я не знаю, в Италию, что ли. Опера там, Верди, Пазолини всякие... Или лучше на их верфи, гляньте, вдруг там чего полезное можно прикупить или подсмотреть. Чтобы народ привык к мысли — «Гера» часто через проливы туда-сюда шастает. Да и сами посмотрите, где потом на «Раке» плыть придется.

После прояснения подводных вопросов Налетов поднял еще один, почти противоположный.

— У меня тут возникла мысль по поводу катера для его величества, — сообщил он.

Этот «катер», а по сути — поплавки от гидросамолета с двумя самолетными же моторами, я обещал Николаю еще полтора года назад, но все как-то было не до того. Однако, когда завод «Наваль» стал нашим, пришлось вспомнить-таки обещание и по-быстрому сваять такую хреновину. Геометрию поплавков мне рассчитали в нашем времени, а уж стальную ферму между ними с креплениями для двух моторов от «бобика» я сочинил сам. В результате этот огрызок самолета при водоизмещении чуть больше двух тонн разгонялся по спокойной воде почти до пятидесяти узлов. Правда, плавать по неспо-

койной он вообще не мог — три балла были его пределом. Интересно, что из него собирается сделать Налетов, торпедный катер? Как выяснилось, да.

— Столь быстро перемещающаяся цель недоступна даже для трехдюймового калибра, — с энтузиазмом объяснял он мне, — существующие механизмы наведения не позволяют поворачивать орудия с нужной скоростью. И значит, для ночных атак вблизи берегов или корабля-носителя и в хорошую погоду это будет достаточно эффективное средство, во всяком случае не хуже миноносцев. Но дешевле их в десятки раз!

— А вы на этом изделии уже плавали?

— Я ходил на нем в Одессу — три часа туда, три обратно.

«Вот ведь как обстановка-то на людей влияет, — подумал я. — Был нормальный сухопутный человек, год поработал корабелем — уже по воде он ходит, аки по суху...»

— А до Ялты своим ходом оно доплыть сможет? И экипаж для него есть?

— По такой погоде, как сейчас, — без проблем, только запас бензина придется взять, одной заправки ему не хватит. Экипаж — рулевой и моторист, ваш Беня прислал двух довольно способных молодых людей, сейчас им спокойно можно доверять это судно.

— Ну тогда пусть кто-нибудь разбирающийся в роскоши оценит отделку кабины — и в Ливадию. А насчет такого торпедного катера... Вещь дешевая, вреда от «попробовать» не будет. Сделайте еще пару, моторы я пришлю, поставьте торпедные аппараты, испытайте в реальных условиях. Кстати, можно попытаться учинить бой такой лоханки с обычным миноносцем. Попасть в нее из пушки трудно, от торпеды она запросто увернется, и никакому эсминцу от нее не убежать... А окажутся ни к чему не пригодными — подарим кому-нибудь, султану например.